

женные отряды, строились крепости (например, на реке Медведице), одни их защищали, другие брали приступом и т. п. Так было на Дону, на Куме и в других казачьих областях.¹⁰ Но для Руси — это чужие правила. Их надлежит считать исключением. Многие бунты XVII—XVIII вв. (стрелецкое восстание 1682 г., движения Булавина, Пугачева и др.) имеют некий религиозно-старообрядческий оттенок, но он явно вторичен. Бунтовали все-таки не за веру, а за волю, за справедливость. В этой связи показательно, что в июле 1682 г. фактически владевшие Москвой стрельцы позволили царевне Софье казнить священника Никиту Добрынина-Пустосвята, только что «перепревшего» в Грановитой палате патриарха Иоакима. Так окончилась последняя попытка реставрировать дониконовский обряд.

Как же реагировали старообрядцы на 12 статей 1685 г.? Часть из них ответила на угрозу и практику насильственных смертей смертью добровольной.¹¹ Особенно поразили современников олонецкие гари. В 1687 г. соловецкий дьякон Игнатий с толпами чающих «огненного крещения» берет приступом Палеостровский монастырь (он считался вожделенным местом «самоизвольного» мученичества, ибо в нем, по преданию, окончил свои дни первый страдалец за старую веру епископ Павел Коломенский) и устраивает там грандиозное самосожжение. Полагают, что тогда погибло до двух с половиной тысяч староверов. Спустя полтора года — новое взятие Палеостровской обители и новое самосожжение, на сей раз с полутора тысячами жертв. В эти же годы под Каргополом сжигается около пятисот ревнителей древнего благочестия, сто человек — близ Тюмени. Много, очень много было больших гарей, но еще больше одиночных, семейных, соседских, деревенских. За все семь веков, протекших со времени христианизации, Русь не знала столько пострадавших за веру, включая признанных церковью и святыми, и еретиками, сколько их появилось за первые десятилетия раскола. Он дал материал для первого русского мартиролога, «Винограда Российского».

Легче всего списать это на мрачный фанатизм, тем более что консервативное старообрядчество осуждало своих радикальных единоверцев. Пусть дело касалось меньшинства — не только в рамках нации, но и в рамках не принявшего никонианства населения (оно составляло от четверти до трети великороссов). Но каково было Петру, которому предстояло управлять самоистребляющейся страной?

Что до старообрядческого большинства, то оно было вынуждено покинуть города, прежде всего столицу. Старообрядцы ударились в бег. Они бегут на Север и в Сибирь, в русские «пустыни», которые всегда отождествлялись с лесами, «пустыми» от людей. Они бегут и за рубеж — на Кубань и Северный Кавказ, «под руку»

¹⁰ См.: *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. München, 1970. С. 415—424.

¹¹ См.: *Сапожников Д. И.* Самосожжение в русском расколе. М., 1891.